

ДВЕ НОВЕЛЛЫ

АНАТОЛИЙ ГОДИЛО

НЕГАСИМАЯ

В красном углу теплилась лампадка. Когда мы захлопнули дверь, ее неяркий соломенный огонек вдруг вспыхнул длинным языком и выхватил из темноты круглый столик с каким-то блестящим предметом на нем.

— Спасибо за проводы,— устало опускаясь в скрипучее кресло, сказала Фекла Потаповна. — Отдохнем малость, чайком побалуемся.

Лампадка гасла, видимо, масло было на исходе. Мне надо было спешить на электричку.

— Нет, сынок,— запротестовала старушка.— Я мигом...

И, несмотря на свои преклонные годы, бодро зашагала на кухню, забыв включить свет в комнате.

Встретились мы в Третьяковке, у картины В. Пукирева «Неравный брак». Сухонькая старушонка стояла в зале одна и немигающими глазами смотрела на полотно. На ее сморщенных, восковых щеках застряли горошинки-слезинки. Я хотел пройти незамеченным, но она удержала. Высохшая пергаментная рука хранила удивительный не по возрасту запас тепла, а мягкий материнский взгляд темно-каштановых глаз подчинял своей воле. Мы присели, и она заговорила, не стыдясь слез:

— Вот, всегда так расплачусь. Да, мы не познакомились...

Старушка назвалась. И от этого исконно русского — Фекла Потаповна — мне вдруг стало просто и уютно, а в ее плавной певучей речи была какая-то притягательная сила. В ее худом лице с тонкими лепестками губ и в больших еще не потухших глазах угадывалась самородная, никогда не стареющая русская красота. Моя «дама» смахнула кружевным платочком слезы и тихо улыбнулась:

— Когда нас венчали, Пукиреву уже присудили звание академика за эту картину. Но где мне было знать о какой-то картине, когда я сама повторила судьбу

этой девчонки?

Рассказчица выжидательно посмотрела на меня, стараясь угадать мою реакцию на сообщенное.

— Вы помните, что сказал тогда Стасов? «В картине нет ни пожара, ни сражения, ни истории, есть приходская церковь, священник, учтиво венчающий старца генерала с заплаканной и разодетой девчонкой, которая польстилась на чины и деньги и продала свою молодость». — Так вот, когда я увидела впервые на выставке эту картину, она мне открыла глаза. Я бросила именитого мужа и бежала к никому не известным в ту пору студентом. Он мог бы стать большим художником, но в нем горел другой огонь. На второй год наше счастье оборвалось его арестом. Мы вместе были тогда на баррикадах Пресни. Вся наша молодость прошла в ссылках и тюрьмах. Так и не дождался Павлуша светлого дня: на уральских рудниках сгинул. В войну я приютила мальчонку и девочку. Коля уже штурман дальнего плавания, а Вероника — художница.

...С той минуты мы больше уже так и не расставались. Мой добрый гид знал кучу таких подробностей о каждом художнике, о их произведениях, что я невольно заслушался. По-новому для себя открыл я теперь Поленова в его неброском полотне «Московский дворик». Оказывается, один из этюдов этой картины был у Тургенева в Париже. Вдали от родины великий русский писатель хранил дорогой уголок своей земли, с ее прозрачным небом, струистым воздухом и белоголовыми ребятишками на солнечной лужайке. С особенным интересом и вниманием я рассматривал «Владимирку» И. Левитана. По ней Фекла Потаповна дважды проходила этапом со своим Павлушей.

Задумавшись, я и не заметил, как разгорелась лампадка. Вероятно, мы внесли с собой струю свежего морозного воздуха. Огонек выпрямился, разросся и горел ярким стреловидным пучком. Он освещал пустой угол, где обыкновенно бывает божница, оставляя в полумраке столик. На нем, играя огненными сполохами, стояла какая-то вещица.

Хозяйка забыла обо мне. Она гремела на кухне посудой, а я вдруг попал в таинственный мир загадок. Вещица горела каким-то таинственным огнем, и мне становилось не по себе в пустой комнате. На память приходила всякая чертовщина: то гоголевский кровавый цветок в ночь на Ивана Купала, то хозяйка Медной горы. Любопытство с каждой минутой росло, я ерзал на скамье от нетерпения, стараясь разгадать, что же там на столике?

За дверью стихло. Я окликнул хозяйку, ответа не последовало. На цыпочках я пошел на огонек. Полированный столик вспыхивал то фиолетовым, то ярко-зеленым, то изумрудно-дымчатым цветом. Я уже было протянул руку, чтобы потрогать волшебный предмет, но огонек лампы метнулся в сторону от меня. Еще один выдох — и он потухнет. И тогда исчезнет чудо. Мною овладел не то испуг, не то восторг. Пылающий цветок тюльпана, поразивший в свое время голландцев, был просто ничто в сравнении с этим видением. Игра красок волновала, будоражила мое воображение. В следующее мгновение, пока прыгал язычок огня, мне почудилась даже мелодичная капель, которую роняет поутру золотистый нарцисс, царь цветов.

Сколько я стоял безмолвный? Очнулся, когда огонек лампы стал успокаиваться и гаснуть. Краски на предмете стали гуще. Они приобрели более спокойные тона ярко-красного цвета, цвета вечерней зари, а сверху продолжали играть радугой самоцветов.

Меня снова потянуло к столику. Огонек замирал, а предмет оживал другими цветами. Они переходили в мягкие полутона, и нельзя было определить, где кончается один и начинается другой. Теневая сторона, обращенная ко мне, темнела, а боковая — была освещена легкой дымкой.

Щелкнул выключатель. Я повернулся к двери. Там стояла с чайником Фекла Потаповна.

— Извините меня, старую! Оставила в темноте. — И, верно, догадываясь о моем состоянии, тут же поспешила успокоить: — Вы игрой самоцветов любовались?

Материнская теплота и доверие слышались в ее голосе. Теперь мы вместе смотрели на чудесное творение из диковинных уральских самоцветов. Бирюза сапфира и зелень александрита растворили ночь, и над столиком струился свет утренней зари. Это была скульптурная группа «Неравного брака», выполненная Павлушей.

Мне особенно запомнились невинные глаза девушки. Они были из лазуритов нежной голубизны, словно цветочки льна поутру, а старческие, генеральские — из винно-желтого топаза.

Фекла Потаповна подлила масла в лампадку, и она вспыхнула ярко и светло.

Полвека горит она негасимая, как верная память о друге.

ИМЕННАЯ МЕДАЛЬ

У вагранки, через завалочное окно которой яростно хлестало багровое пламя, стоял седенький, шуплый старичок. Он был в черном мешковатом костюме, новых парусиновых туфлях и соломенной широкополой шляпе, которая чудом держалась на маленькой, задранной вверх голове.

Давно Егор Павлович Кондаков простился с литейкой, которой отдал лучшие свои годы. Как уехал тогда к дочери погостить, так и прижился на Алтае. Летом пчелками баловался, зимой белковал помаленьку, за внуками присматривал. И вдруг получил телеграмму со старого завода: просили приехать на юбилейные торжества. И деньги на дорогу выслали.

Прилетел Егор Павлович в полдень. Чемодан завез к бывшему соседу, а сам отправился на завод. У проходной решил вдруг, что начальству объявится завтра. Тянуло поглядеть поскорее на свой завод.

И теперь он стоял одиноко на завалочном дворе, где грудились чугунные чушки, шихта и старая рухлядь, подготовленная к переплавке. Глядел гость на гудящее пламя, втягивал в себя горьковатые запахи кокса и горелого железа, жадно, с придыханием, точно медвяные запахи тайги.

В пасечнике проснулся бывший

литейщик. Он ничего не замечал вокруг, весь ушел в обоняние, в слух, в созерцание того неведомого, что клокотало и плавилось за толстыми стенками вагранки.

Постепенно растворялась недавняя горечь. Вызвал ее пустяковый случай, ставший ложкой дегтя в переполненной чаше радостей этих дней. По пути на завод Егор Павлович встретил в садике давнего друга — толстяка Федотыча. Не успели разговориться, как за спиной затрещали кусты. Юноша и плоскогрудая девица, воровато озираясь, открывали бутылку с вином.

— Мельчает молодежь,— брезгливо сплюнул Кондаков. И тут же с досадой: — А я, старый дурень, через всю Русь-матушку тащился сюда, думал, здесь нужда в мастеровых людях. Не праздника ради торопился,— признался старый мастер и чертыхнулся.— Такие все секреты плавки, все святое порастеряют, в винище расслюнявят.

— Умирает мастерство,— поддакивал толстяк.— Какие ты вещи, Егорушка, отливал!.. Теперь вовек того не сделают. Помнишь, медальон?..

— Еще бы не помнить! Эх и разбередил приятель старые раны. Медальон... Месяц форму ладил, столько же ушло времени, пока нашел состав чугуна. Отлил-таки. Подарил любимой супруге за первенца, за Илюху. Не верили, что из литого чугуна та вещица: каждая буквочка в ней в печать просилась.

Медальон тот, чуть побольше ногтя, многим не давал покоя. Сам наказной атаман дознался и приехал с каким-то господином. Долго крутили вещицу в руках, в стеклышко увеличительное разглядывали. Языками цокали, торговались. Господин ученый все выпрашивал, записывал в книжечку рецепты формовочной земли, ссыпал ее в кулечки, выводывал режим плавки и состав шихты. А потом предложил кинуть заводошко и ехать с ним в Питер, на монетный двор. Кондаков отказался. А чтобы не торговали дареное, отлил им обоим именные ладанки.

После революции заводик начал расти. Но литейка осталась все такой же

крохотной. До нее, видно, не доходили руки. Правда, вместо сковородок и плит, что лили станичникам, стали отливать сложные детали для комбайнов и тракторов.

В сороковых годах Кондаков обучил тонкому литью своего первенца Илюху и соседскую девчонку Олюшку. Перед самой войной их вызвали на уральский завод. Там они за три месяца отлили бронзовую скульптуру крестьянина-сеятеля. Работа была удачной, с одного раза получилась. Скульптура та в столичном музее поставлена. Был как-то в Москве, проездом, заходил поклониться искусству. Глядя на творение рук детей своих, всплакнул Егор Павлович. А как удержаться: лебединой песней была та работа для Илюши. Добровольцем он ушел бить супостатов. А вскоре командир написал: «Илья Егорович Кондаков пал смертью храбрых. Он сжег три танка фашистов...»

Захлестнули воспоминания Егора Павловича. И все-таки каким-то шестым чувством литейщика он уловил едва заметную перемену в поведении гудящей печи. Металл, вероятно, начинал успокаиваться, реакции стихали, реже взрывались газовые пробки. Скоро, совсем скоро выпуск металла. Надо поспешать, взглянуть на разливку...

Приготовились и в цехе. Разливка чугуна — событие, Тут, кроме неповторимо красивого зрелища, которое манит к себе не только новичков, но и видавших виды литейщиков, есть еще всегда и тревожное ожидание рождения нового. Знатный горновой Яшин, никому не доверяя, стоял у летки, выжидая одному ему известные секунды «поспевания» металла. На мартенах и домнах об этом скажут экспресс-анализы лаборатории. А здесь, как и в демидовские времена, все еще от умельца — горнового зависит. Григорий Васильевич Яшин, которому от роду нет еще и тридцати, успел доподлинно изучить повадки вагранки. Поди сочти все его плавки: много их, и всякий раз он школяром себя чувствует. Каков металл? Успели ли выгореть вредные примеси: сера и фосфор, не многовато ли углерода?

Волновался Яшин, переживали заливщики.

Старейший заливщик Тихон Плошкин уже держал наготове разливочный ковш. Его подручный — Мишка — с нетерпением подергивал за ручку ковша. Он никак не привыкнет к бешеной струе огня: боязно. Скоро ударит дядя Григорий ломиком в летку, и брызнет оттуда огненным фонтаном металл. И в один голос тогда пронесется по цеху: «Пошел чугу́н, давай, поторапливай-вай!..»

Так и не вошел в цех приезжий гость. Ноги Егора Павловича точно приросли к чугунным чушкам. Он стоял у витой спиральной лесенки и ощущал дыхание теплой вагранки, в чреве которой все еще тихонько клокотал и пузырился жидкий металл. Затем Кондаков приложился к колошникам: там взрывалось, гремело медью литавр. О, как знакома эта музыка!.. И человек заулыбался. В его глазах затеплились голубые огоньки. Расплавил вагранка горечь, возрадовала слаженной своей знакомой музыкой душу старого литейщика.

— Поспел, родимый, готов-в!.. Эх, самый раз... Ну, бей же!— вскрикнул Егор Павлович невидимому горновому и поднял привычно руки, готовые к удару. И не было больше хлипкого старика, в праздничном наряде, была собранная пружина, был повелитель огненной стихии. Он переживал единственное чувство, которое знакомо натурам сильным перед очень важным испытанием судьбы. Разве только излишний мальчишеский азарт обуревал его. Но и то понять надо: двадцать лет не слышал гула вагранки, не видел живого огня металла.

Старый мастер поспешил к двери.

Скорее, скорее, не прозевать плавку! Вечерняя синева неожиданно взорвалась оранжевым шаром, огромные окна литейки вспыхнули червонным золотом, а из-под крыши вырвался фейерверк сизовато-красных и фиолетовых искр. Пустили чугу́н. В окна видно было, как он бежал толстой искристой огненной змеей в ковш. И еще видно было в отблесках огня, как сверкали в неудержимой радости зубы парнишки, того самого заливщика, с ко-

торым теперь так хотелось познакомиться Егору Павловичу.

В дверях Кондаков столкнулся с шумной ватагой девчат. И что-то неведомое, в то же время знакомое, заставило его остановиться.

— Ольга Николаевна, миленькая, как мы рады за вас! — говорила курносая веснушчатая девушка, прижимаясь щекой к высокой и статной женщине в светлом костюме.

— Что вы, девочки! Мой орден — это и ваша заслуга,— зарделась старшая, и Егор Павлович увидел на пиджаке блеснувший орден Трудового Красного Знамени. И только теперь, когда она поравнялась с дверью, Егор Павлович охнул:

— Олюшка, детка, никак не ожидал свидеться тут!.. Думал, давно в ученые вышла...

Ольга Николаевна радостно поцеловала своего наставника, давая ему выговориться. И тут же мельком заметила в его светло-голубых глазах не укор, а одобрение. «Все такой же: думает одно — говорит другое»,— пронеслось в ее сознании. Опьяненная радостью сегодняшней награды и теплых поздравлений вот этих щебетуний-формовщиц, которые все прошли ее школу, ошеломленная встречей со своим учителем и отцом Ильи, которого она не переставала любить и после гибели, Рокачева совсем растерялась.

— Сединки, морщинки прибавляются у вас,— провела теплой рукой по правому виску и щеке Егора Павловича.— А мы вас ожидали на торжественное собрание,— справившись с собою, сказала знатная формовщица с укоризной.— Не люблю пышности, настояла, чтобы орден вручили тут же, в цехе.

— Ты у меня всегда была умницей, — улыбнулся старик.— А к мишуре я тоже не привычен. Хотелось глянуть на литейку с задворков. Да, теперь ее не узнать. Богато живете...

— Не жалуемся,— бойко в тон ему ответила Ольга Николаевна.— Потому и в ученые не подалась. Жалко бросать то, что своими руками выпестовано. Когда Илюша

погиб, я вернулась с Урала. Так и разменяла третий десяток тут, в литейке. Формую, молодых учу...

Вместе с девчатами вошли в цех. В лицо пахнул знакомый жар расплавленного металла. На формовочном плацу длинными рядами курились только что залитые формы. Сейчас все было подчинено заливщикам. Тихо и без суеты они ритмично наклонялись над опоками и, вылив порцию металла, переходили к другим.

Егор Павлович смело шагнул внутрь и тут же остановился, пораженный работой диковинной машины. Вращался небольшой барабан, в него вливался металл, и через каждые две-три минуты оттуда вываливались продолговатые сосуды. Не было привычных форм и стержней: отливка получалась за счет центробежной силы. И тут же несколько в стороне стояли две другие машины. Они выдавали изящные алюминиевые детали. Литье под давлением, под руководством рабочего, почти мальчишки! Кондаков с благоговением рассматривал работу бегунов, размешивающих формовочную землю, и следил за жужжащими лентами-транспортерами, которые из соседнего помещения подавали землю прямо на формовочный плац. Для старого литейщика, увидевшего литейку через двадцать лет, все было как в сказке, как во сне. В его времена даже самая богатая фантазия не могла выдумать всего этого.

Девушки окружили старика. Ольга Николаевна подтолкнула чернобровую, такую же статную, как сама, дивчину:

— Не томи душу, Наташа... Чего уж. — И с гордостью добавила, обращаясь к Егору Павловичу:— Дочь моя подарок вам хотела вручить.

— К вашему приезду готовили,— подала с поклоном Наташа маленький коробок.

Дрожащими руками Егор Павлович принял на ладошку тот коробок и увидел на нем филигранной работы медаль. На лицевой стороне красовался его портрет, а на обратной — дарственная именная надпись: «Егору Павловичу Кондакову — первому литейщику в честь 50-летия

завода».

— Отбеленный чугун? — спросил старый литейщик и бережно протер рукавом нового костюма сероватые буквочки. — Спасибо, Олюшка,— он поцеловал ее в щеку и тут же отвернулся, подозрительно долго сморкаясь.

— Не по адресу, Егор Павлович,— блеснула веселой задорной улыбкой формовщица.— Девчат да вон того молодого человека, Мишу, который заливает формы, благодарите. Мои только советы...

Женщины вдруг вспомнили, что пора накрывать праздничный стол. Егор Павлович решительно отказался идти тотчас. Ему надо было побыть одному, собраться с мыслями. Уходя, Наташа крикнула:

— Не задерживайтесь, Егор Павлович! Ждем!..